

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А. Сырцов

**Учение профессора Снегирева о
происхождении общих
представлений и понятий:**

**из доклада, читанного в заседании
«Студенческого психологического Общества при
С.-Петербургской Духовной академии**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1901. № 11. С. 783-792.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Ученіе проф. Снегирева о происхожденіи общихъ представленийъ и понятій.

Изъ доклада, читаннаго въ засѣданіи „Студенческаго Психологическаго Общества“ при с.-петербургской духовной академіи 8 февраля 1901 года.

ПРОФЕССОРЪ В. А. Снегиревъ принадлежитъ къ психологамъ такъ называемаго ассоціанистическаго направленія. Главнымъ факторомъ душевнаго развитія онъ признаетъ законы ассоціаціи. Преобразование элементарныхъ психическихъ состояній въ сложныя образованія опредѣляется, по его мнѣнію, не запросами души, а самыми состояніями—ихъ содержаніемъ (законъ сходства) и порядкомъ ихъ возникновенія (законъ смежности). Личность съ присущими ей интересами, запросами и потребностями оставляется у него такимъ образомъ въ тѣни. На первый планъ онъ стремится выдвинуть въ душевныхъ явленіяхъ ихъ пассивно-механическую сторону. Это стремленіе проф. Снегирева съ особенною рельефностью сказывается въ его психологіи познанія, въ частности въ его ученіи о происхожденіи общихъ представленийъ и понятій.

Общія представленія и понятія, по ученію проф. Снегирева, составляютъ результатъ сочетанія представленийъ по закону сходства. Сходныя представленія сами собой сливаются и образуютъ сначала общія представленія, потомъ понятія. Самодѣятельность субъекта проявляется лишь въ фиксаціи этихъ образованій и закрѣпленіи ихъ словомъ.

Теорія происхожденія общихъ представленийъ излагается у проф. Снегирева въ слѣдующемъ видѣ. Сказавъ о возник-

новениі въ душѣ ребенка воспріятія и представленія, какъ сочетаній по смежности, онъ продолжаетъ: «Вслѣдъ за образованіемъ перцепціи и представленія у дитяти обнаруживаются внѣшніе признаки новой операціи... Дитя начинаетъ не только фигурировать, но узнавать часто воспринимаемые предметы (кормилицу, няню, мать и т. д.)... Узнаваніе же есть не-что иное, какъ отождествленіе настоящаго опыта — представленія съ прошлымъ такимъ же... Отождествленіе это сначала производится при помощи самихъ общихъ чертъ, или признаковъ, и потому само собой превращается въ обобщеніе. Обобщеніе это—самое широкое, потому что дитя, научившись узнавать мать или няню, видитъ ихъ во всякой женщинѣ; научившись узнавать отца, видитъ его въ каждомъ мужчинѣ, имѣющимъ сходство въ самыхъ общихъ чертахъ съ отцомъ. Обобщеніе дидяти, потому, можно назвать *общимъ представленіемъ*»¹⁾.

Профессоръ Снегиревъ здѣсь смѣшиваетъ два совершенно различныхъ акта нашей разсудочной дѣятельности—отождествленіе и обобщеніе. Отождествленіе, о которомъ онъ говоритъ, имѣетъ мѣсто въ воспріятіи. Воспріятіе есть сочетаніе ощущенія съ представленіемъ. Видя знакомый предметъ, мы не только получаемъ отъ него группу опредѣленныхъ ощущеній, но и узнаемъ его, т. е. отождествляемъ данную группу ощущеній съ ранѣ полученнымъ и хранящимся въ душѣ представленіемъ этого предмета. На сколько важно для воспріятія отождествленіе, объ этомъ говорятъ патологическіе случаи. Одинъ изъ пациентовъ доктора Шарко послѣ нервной болѣзни потерялъ память. Онъ лишился возможности отождествлять ощущаемое съ ранѣ изученнымъ. Каждый предметъ, съ которымъ онъ встрѣчался, казался ему новымъ, незнакомымъ, невидѣннымъ прежде, такъ какъ не вызывалъ въ сознаніи своего прежняго образа и не сливался съ нимъ въ одно цѣлое. Поэтому «каждый разъ, когда онъ возвращался на свою родину, она казалась ему чужой; онъ не могъ сразу узнать жену и дѣтей, одинъ разъ не узналъ даже самого себя, когда увидалъ себя въ зеркалѣ»²⁾.

Общія представленія рѣзко отличаются отъ воспріятій. Они не сливаются съ получаемыми ощущеніями, а возникаютъ

¹⁾ „Психологія“, Харьковъ, 1893, стр. 275.

²⁾ Г е ф д и н гъ, Очерки психологіи, основанной на опытѣ, пер. съ нѣм., Спб., 1896, стр. 131.

отдѣльно отъ нихъ, какъ результатъ обобщающей дѣятельности мысли. Воспринимая группу сходныхъ предметовъ, мы оставяемъ вниманіе на чертахъ сходства и разсматриваемъ ихъ отдѣльно отъ чертъ различія. Созерцаніе предмета въ общихъ чертахъ и составляетъ общее представленіе. Это созерцаніе находить для себя благопріятное условіе въ свойствахъ нашей психофизической природы. Процессъ образованія общихъ представленій можно до извѣстной степени уподобить фотографированію нѣсколькихъ лицъ на одной пластинкѣ, когда въ результатѣ получается портретъ, въ которомъ черты сходства передаются рельефно, черты же различія взаимно сглаживаются. Различные зрительные образы медвѣдя— одного видѣннаго нами въ зоологическомъ саду, другого—убитаго охотниками въ лѣсу и третьяго, наконецъ, ручного медвѣженка сливаются въ нашемъ сознаніи въ одно общее представленіе медвѣдя, въ которомъ на первый планъ выдѣляются общія имъ всѣмъ черты сходства, черты же различія мыслятся не ясно. Однако сравненіемъ образованія общихъ представленій съ фотографированіемъ нѣсколькихъ объектовъ на одной пластинкѣ нужно пользоваться крайне осторожно. Оно иллюстрируетъ только одну сторону происходящаго при составленіи общихъ представленій психологическаго процесса, именно ту, которая касается сліянія нѣсколькихъ представленій въ одно общее. Между тѣмъ въ процессѣ обобщенія есть другая сторона, которую проф. Снегиревъ опустилъ изъ виду, но которая имѣетъ весьма важное значеніе. Въ образованіи общихъ представленій мы наблюдаемъ не просто лишь пассивное воспріятіе и наслоеніе другъ на друга сходныхъ элементовъ, но и *активное* отношеніе къ нимъ мыслящаго субъекта, выражающееся въ сосредоточеніи вниманія на чертахъ сходства, выдѣленіи ихъ на первый планъ и игнорированіи чертъ различія. Въ своемъ представленіи медвѣдя мы произвольно—хотя, можетъ быть, и не вполне сознательно для себя—выдѣляемъ черты сходства, игнорируя всѣ остальные.

Это—фактъ чрезвычайной важности. По скольку въ реальной дѣйствительности не дается достаточныхъ основаній для выдѣленія въ предметѣ однихъ сторонъ и игнорированія другихъ, по скольку, далѣе, мы не въ состояніи объяснить этого явленія однимъ лишь пассивно-механическимъ сліяніемъ сходныхъ ощущеній, по стольку причину его мы должны искать въ самомъ познающемъ субъектѣ. Здѣсь сказывается лежа-

щее въ основѣ познавательной дѣятельности стремленіе къ постиженію единого и неизмѣннаго среди многаго и измѣнчиваго.

Съ большей отчетливостью это стремленіе выступаетъ въ образованіи *понятій*. Процессъ образованія понятій представляется въ Психологіи проф. Снегирева въ такомъ видѣ. При воспріятіи предметовъ, сходныхъ между собою въ одномъ или нѣсколькихъ отношеніяхъ, какъ показываетъ наблюденіе, не всѣ стороны этихъ предметовъ производятъ на наше сознаніе одинаковое впечатлѣніе. Сходныя черты, повторяющіяся при каждомъ новомъ воспріятіи предмета, являются въ представленіи наиболѣе ясными, твердыми и опредѣленными. «По извѣстному намъ закону повторенія, говоритъ проф. Снегиревъ, впечатлѣніе, явившееся двадцать разъ, будетъ сильнѣе каждаго изъ тѣхъ, которыя въ теченіе того же времени явились только одинъ разъ: именно, оно будетъ сильнѣе и прочнѣе ихъ приблизительно на двадцать разъ» ¹⁾. При такомъ условіи, вниманіе «совершенно произвольно, механически сосредоточится на группѣ сходныхъ впечатлѣній, — они выдѣлятся изъ всѣхъ другихъ, какъ болѣе ясныя и устойчивыя» ²⁾. По существу своему эта группа общихъ признаковъ не можетъ отличаться устойчивостью и неизмѣнностью, ибо общіе признаки въ каждомъ единичномъ предметѣ принимаютъ свои индивидуальныя формы, кромѣ того, выдѣленіе ихъ находится въ прямой зависимости отъ личнаго опыта каждаго субъекта. Отсюда возникаетъ «стремленіе и усиліе какимъ-нибудь способомъ фиксировать отвлеченіе, дать ему образъ, схватить, удержать, — *понять его*». Это стремленіе удовлетворяется тѣмъ, что изъ всей группы представленій выдѣляется и закрѣпляется словомъ какой-либо одинъ признакъ, къ которому по ассоціаціи смежности привязываются остальные признаки. Символически процессъ образованія понятій, по теоріи Снегирева, можно представить такъ: даны представленія *abcls*, *smanc*, *kasrs* и т. д.; изъ нихъ выдѣляется группа *acs*, изъ нея — признакъ *a*, который и закрѣпляется словомъ *A*: (*cs...*).

«Развившаяся и сформировавшаяся т. о. общая идея есть воспроизведеніе въ одномъ нераздѣльномъ актѣ сознанія множества единичныхъ предметовъ, сходныхъ между собою

¹⁾ Ibid., 339 стр.

²⁾ Ibid.

въ одномъ или нѣсколькихъ отношеніяхъ¹⁾. Ее можно назвать «идеею группъ однородныхъ предметовъ».

Здѣсь невольно возникаетъ слѣдующій вопросъ. Если существенную сторону понятія составляетъ его общность, то, какъ согласить съ этимъ несомнѣнное существованіе въ нашемъ сознаніи понятій, относящихся къ единичнымъ предметамъ, каково, напр., понятіе о Богѣ? Равнымъ образомъ, исторія развертываетъ передъ нами богатую картину крайне своеобразныхъ и оригинальныхъ культурно-историческихъ явленій, которыя, однажды возникнувъ, никогда больше не повторялись. Но развѣ мы не имѣемъ о нихъ понятія? Развѣ нѣтъ у насъ понятія объ античномъ мірѣ, всемірной Римской имперіи, французской революціи и т. п. Очевидно, что опредѣленіе сущности понятія у проф. Снегирева слишкомъ тѣсно.

Далѣе. По Снегиреву, понятіе есть синтезъ общихъ многимъ предметамъ признаковъ; имѣть понятіе о предметѣ—значить мыслить его со стороны этихъ признаковъ. Съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. *Понимать* предметъ—значить знать, что такое онъ въ своей неизмѣнной *сущности*. Имѣть истинное понятіе о предметѣ есть то же, что мыслить его въ его существенныхъ и постоянныхъ свойствахъ. Между тѣмъ не всякія черты сходства являются существенными сторонами въ предметѣ: могутъ быть сходства внѣшнія и и случайныя. Что отличительную особенность понятій составляетъ не мысленное объединеніе единичныхъ предметовъ, а стремленіе созерцать въ нихъ основное, объективное, постоянное, это обнаруживается рѣшительно на всѣхъ ступеняхъ развитія понятій, начиная съ низшихъ элементарныхъ формъ и кончая высшими—сложными формами.

Глубочайшая основа происхожденія понятій кроется въ самой природѣ познающаго субъекта, какъ такого существа, которое не просто лишь пассивно, подобно зеркалу, отражаетъ предъявляемые его сознанію предметы внѣшней дѣйствительности, но какъ существо духовно-дѣятельное, одаренное извѣстными потребностями, запросами и интересами, активно перерабатываетъ сообразно своимъ запросамъ получаемый совнѣ опытный матеріалъ. Понятія являются продуктомъ этой переработки. Тотъ же самый процессъ отвлеченія,

¹⁾ Ibid., стр. 337.

который впервые обнаруживается въ составленіи общихъ представленій, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ведетъ къ образованію понятій. Отъ общаго представленія понятіе отличается тѣмъ, что въ то время какъ общее представленіе есть созерцаніе предмета съ цѣлою совокупностью общихъ признаковъ, въ понятіи мы всегда выдѣляемъ въ качествѣ показателя сущности предмета одинъ признакъ и отмѣчаемъ его внѣшнимъ знакомъ—жестомъ или словомъ. Что касается остальныхъ признаковъ предмета, то мы или совсѣмъ игнорируемъ ихъ, или мыслимъ ихъ въ качествѣ добавочныхъ къ выдѣленному признаку. Любопытной иллюстраціей къ данному положенію могутъ служить факты изъ жизни глухонѣмыхъ, которые, какъ извѣстно, для выраженія своихъ мыслей пользуются тѣлесными движеніями (жестами). Желая передать свое понятіе о томъ или другомъ предметѣ, они обыкновенно берутъ въ немъ какой-либо одинъ наиболѣе характерный, по ихъ мнѣнію, признакъ, который и изображаютъ жестомъ. Понятіе коровы, напр., передается на языкѣ глухонѣмыхъ изображеніемъ тяжелой походки или челюстей, пережевывающихъ пищу; понятіе птицы они изображаютъ, складывая пальцы одной руки въ видѣ клюва, а другой рукой дѣлая жестъ кормленія, или же подражаютъ ея полету и т. д. «Въ этомъ (случаѣ), говоритъ Рибо, глухонѣмой поступаетъ точно такъ же, какъ и говорящій человѣкъ. Различіе состоитъ въ томъ, что онъ передаетъ отвлеченное ¹⁾ черезъ опредѣленное положеніе тѣла, вмѣсто того, чтобы передать его словомъ. Первобытный аріецъ, называвшій лошадь быстрой, солнце блестящимъ, луну измѣрителемъ (мѣсяцевъ) и т. д., поступалъ точно также; и для него *избранный признакъ представлялъ весь предметъ*» ²⁾).

Уже въ этихъ примѣрахъ элементарныхъ понятій нельзя не отмѣтить того въ высшей степени любопытнаго и важнаго факта, что признакъ, со стороны котораго мыслится въ понятіи данный объектъ, не есть первый случайно попавшійся, но такой, который, съ точки зрѣнія интересовъ и запросовъ познающаго субъекта, представляется наиболѣе бросающимся въ глаза, важнымъ, характернымъ для существа предмета.

¹⁾ Т. е. выдѣленное.

²⁾ Рибо Т. Эволюція общихъ идей, пер. съ франц., М. 1898 года, стр. 62—63.

Но если неразвитое сознание первобытного человека или глухонемого видеть существо предмета в той его стороне, которая производит на него сильнейшее впечатление, то при дальнейшем развитии интеллектуальной жизни оказывается невозможным руководствоваться этим чисто субъективным критерием: разсудок настойчиво стремится к отысканию в предметах основного, объективного, устойчивого. Это стремление заставляет познающего субъекта постоянно переворачивать объект мысленного созерцания с различных сторон, сосредоточивать внимание на новых его свойствах и образовывать новые о нем понятия. С другой стороны, то же стремление побуждает человека сопоставлять созерцаемые предметы, находить между ними сходства, черты наиболее часто повторяющиеся и устойчивые ставить на первый план, черты менее распространенные—на второй, еще менее распространенные—на третий и т. д. В результате вырабатывается «идеальное» понятие, где предмет мыслится со стороны признаков, расположенных в порядке родов видов, классов и т. д. Прекрасным примером подобной эволюции понятий может служить приводимая у Рибо история классификации зоологов. Древнейшие ученые, сведения о которых мы имеем из Библии, священных книг индусов, древних греческих историков и поэтов, распределяли всех животных на три главных категории—живущих на водѣ, на сушѣ, летающих по воздуху; при этом сухопутные животные подразделялись еще на бѣгающих и ползающих. Очевидно, в этой примитивной попытке классификации обнаруживается еще дѣтски слабая мысль человечества, анализ которой не простирался дальше первых, бросающихся в глаза и невольно останавливающих внимание признаков. Но съ вѣками развивающееся, крѣпнущее и углубляющееся наблюдение открывает и выдѣляет в разсматриваемых живых существах новые признаки, касающиеся их анатомического строения, психической жизни и т. п.; эти признаки и ложатся в основу новой классификации. Уже Аристотель раздѣляет весь животный мир на двѣ группы: имѣющих кровь и имѣющих лимфу, каковое дѣленіе довольно близко подходит к дѣленію на позвоночных и беспозвоночных. Богатый научный матеріалъ накопившійся ко времени Линнея (1707—78) позволяет сгруппировать предметы животного царства в 6 классов: млекопи-

тающихъ, птицъ, земноводныхъ, рыбъ, насѣкомыхъ и червей. Дальнѣйшій прогрессъ классификаціи состоялъ въ открытіи въ животныхъ новыхъ чертъ сходства, болѣе опредѣленной и точной группировкѣ ихъ по классамъ, отдѣламъ, родамъ, видамъ и т. п., и образованіи общихъ отвлеченныхъ понятій «позвоночныхъ» «мягкотѣлыхъ» «моллюскообразныхъ» и др. ¹⁾.

Но это образованіе высшихъ отвлеченныхъ понятій невозможно безъ участія слова. Роль его въ эволюціи понятій громадна. Какъ совершенно вѣрно подмѣтилъ проф. Снегиревъ ²⁾, отвлеченіе, которое мы производимъ при образованіи понятія о томъ или другомъ предметѣ, отличается крайне неустойчивымъ и случайнымъ характеромъ и съ самыхъ первыхъ моментовъ своего возникновенія нуждается въ закрѣпленіи, фиксированіи какимъ-либо способомъ, что и совершается при помощи а) жеста и б) слова. Жестъ и слово не одинаковы по своему существу, отсюда и роль ихъ въ образованіи высшихъ отвлеченныхъ понятій различна. Жестъ отличается по преимуществу конкретнымъ характеромъ: онъ образно передаетъ тотъ признакъ, со стороны котораго мы мыслимъ въ понятіи тотъ или другой объектъ; таковы, напр., указанные выше ³⁾ жесты глухонѣмыхъ. Эта картинность, непосредственное изображеніе предмета въ тѣлесномъ движеніи, дѣлающее языкъ жестовъ понятнымъ для представителей самыхъ различныхъ странъ, національностей, культуръ, составляетъ въ то же время и самый существенный недостатокъ жеста, по скольку конкретный характеръ его обуславливаетъ и приложеніе его исключительно лишь къ понятіямъ съ конкретнымъ содержаніемъ. Глухонѣмой изобразить намъ дитя, взрослого человѣка, дѣвушку, но не передастъ понятія человѣка вообще, а о выраженіи высшихъ отвлеченныхъ понятій нечего и думать. Совсѣмъ другими особенностями отличается слово. Въ немъ нѣтъ какой-либо внутренней связи съ обозначаемой имъ идеей. Слово—это ничего самъ по себѣ не выражающій условный значокъ, символъ, значеніе котораго опредѣляется тѣмъ содержаніемъ, которое подъ нимъ условятся мыслить. Это содержаніе съ теченіемъ времени

¹⁾ Рибо, *Op. cit.*, 152—157 стр.

²⁾ *Op. cit.*, 341 стр.

³⁾ См. стр. 788.

можетъ измѣняться, увеличиваться, уменьшаться, а самый символъ останется неизмѣннымъ. Въ качествѣ примѣра Вундтъ указываетъ два слова «монета» и «университетъ». Съ первымъ словомъ у древнихъ римлянъ соединялось представленіе храма Юноны Монеты, гдѣ находился первый римскій монетный дворъ. Затѣмъ оно было перенесено на продукты этого двора — металлическіе денежные знаки, а первоначальное значеніе съ теченіемъ времени было забыто. «Университетъ» происходитъ отъ *Universitas*. Первоначально это слово обозначало цѣлое, всеобщность. Въ приложеніи къ человѣческому обществу оно стало обозначать замкнутое въ себѣ цѣлое — гильдію (цехъ), коллегіумъ. Въ нашемъ «университетѣ», наконецъ, мы имѣемъ особую, исторически сложившуюся форму научнаго товарищества ¹⁾. Современный французъ называетъ кораблемъ (*navire*) гораздо болѣе сложное цѣлое, чѣмъ римляне (*navis*) и греки (*ναῦς*). Ихъ общій предокъ индоевропеецъ, вѣроятно, означалъ еще болѣе простое судно, можетъ быть, просто выдолбленный стволъ дерева. Этотъ челнъ замѣнился теперь сложными машинами съ цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ приспособленій, а слово осталось почти тѣмъ же, чѣмъ было тысячи лѣтъ назадъ. Вотъ эта то эластичность слова, или, какъ выражаются въ наукѣ, его способность къ замѣщенію и сыграла громадную роль въ образованіи высшихъ отвлеченныхъ понятій, каковы, напр., «бытіе», «пространство», «время», «причина» и т. п., позволивъ подъ отдѣльными словами сосредоточить то необъятное количество отвлеченнаго и обобщеннаго знанія, которое составляетъ ихъ содержаніе. Это организованное знаніе находится въ нашей душѣ въ скрытомъ, или потенціальномъ состояніи, т. е. не всплываетъ сразу непосредственно во всемъ своемъ объемѣ, какъ только названъ будетъ обозначающій его символъ, но мыслится въ темномъ сознаніи ²⁾. Наше отвлеченное философское мышле-

¹⁾ *W. Wundt, Logik., Stuttgart, 1893, I T. S: 40.*

²⁾ *Рибо* производилъ въ высшей степени любопытные опыты, имѣвшіе цѣлью опредѣлить, что происходитъ въ сознаніи людей непосредственно за тѣмъ, какъ имъ будетъ названъ тотъ или другой отвлеченный терминъ. Оказалось, что у однихъ возникаетъ при этомъ какое-либо конкретное представленіе (напр., слово «время» вызывало представленіе метронома; „законъ“—судей въ красныхъ мантияхъ и т. д.), у другихъ зрительно-типографское, у третьихъ—слуховое представленіе произнесеннаго термина. Ни въ первомъ, ни во второмъ, ни въ третьемъ слу-

ніе, поэтому, есть мышленіе знаками, символами. Глухонѣмые не имѣютъ этихъ знаковъ и міръ высшихъ философскихъ, религіозныхъ и нравственныхъ идей для нихъ закрытъ навсегда. Умственная неразвитность ихъ — явленіе общеизвѣстное.

Анатолій Сырцовъ.

чаѣ вызванное представленіе, очевидно, не исчерпывало и сотой доли того содержанія, которое мы мыслимъ подъ тѣмъ или другимъ отвлеченнымъ терминомъ. Что же въ такомъ случаѣ представляетъ этотъ послѣдній? Не есть ли онъ пустой, лишенный всякаго внутренняго значенія звукъ? «Чтобы понять сущность отвлеченнаго термина, отвѣчаетъ Рибо, необходимо рассмотреть, какимъ образомъ мы приходимъ къ пониманію его. Если дать прочесть страницу какого-нибудь философскаго сочиненія ученику или человѣку, совершенно несвѣдущему въ этомъ предметѣ они не поймутъ ничего. Единственный способъ для нихъ, чтобы уразумѣть ее, состоитъ въ томъ, чтобы перебрать одно за другимъ всѣ общіе и отвлеченные термины и перевести ихъ на конкретныя событія, на факты ежедневнаго опыта... Наивные люди, читая фразу, состоящую изъ отвлеченныхъ терминовъ, удивляются иногда, что «они знаютъ значеніе каждаго слова, но не могутъ понять, что значить вся фраза» Дѣло въ томъ, что въ ихъ умѣ каждому слову не соответствуетъ такое количество потенціального знанія, которое могло бы установить связь и соотношеніе между терминами и придать имъ смыслъ... (Поэтому то) для огромнаго большинства чтеніе страницы, имѣющей отвлеченный характеръ, представляетъ очень тяжелый и утомительный трудъ, каждое слово требуетъ напряженія вниманія, усилія, соответствующаго работѣ ума въ подсознательныхъ областяхъ. Когда же эта работа становится излишней, когда мы думаемъ (или полагаемъ, что думаемъ) одними знаками, дѣло идетъ быстро и легко.

Однимъ словомъ *понимать понятіе* выучиваются такъ же, какъ выучиваются ходить, танцовать... *Общіе термины прикрываютъ собою организованное скрытое знаніе*, тотъ спрятанный капиталъ, безъ котораго мы немедленно оказались бы банкротами, фабрикующими фальшивую монету или бумагу, не имѣющія цѣны“. Эволюція общихъ идей, 191—192 стр.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки